

С. И. НИКОЛАЕВ

**«ПОВЕСТЬ О ЛУКИАНОВОМ ОСЛЕ»
В КРУГУ ПЕРЕВОДНЫХ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ
ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ**

В изучении судеб античного наследия в России время Петра I обычно отмечается появлением целого ряда новых переводов, связанных с общим процессом секуляризации культуры. Это вполне справедливое наблюдение нуждается, однако, в существенных дополнениях и детализации.

В последнем по времени историографическом обзоре переводов античных памятников в первой четверти XVIII в. упоминается только пять переводов произведений собственно античной литературы: 1) «Притчи Эсоповы на латинском и русском языке <...> совокупно же Брань жаб и мышей, Гомером древле описана» (Амстердам, 1700); 2) «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского» (М., 1709); 3) «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливым о войне разговором» (М., 1711); 4) «Аполлодора грамматика афинейского Библиотеки, или О богах» (М., 1725); 5) «Книги Иулия Фронтина, сенатора римского, о случаях военных» (1692 г. — ЦГАДА, ф. 181, № 257/462).¹

Этот краткий список можно значительно увеличить за счет других переводов (в том числе рукописных) и сведений о несохранившихся рукописях. В 1704 г. в Москве с польского языка была переведена известная эпитама «Ливия Юлия Флора о начатии и действований народу римскаго»,² в 1705 г. И. Г. Паузе перевел сбор-

¹ См.: Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 47—48. См. также более раннюю работу: Лобода А. М. К истории классицизма в России в первую половину XVIII столетия // *Serta Borysthenica: Сборник в честь Ю. А. Кулаковского*. Киев, 1911. С. 369—388. Подробные сведения об изданиях см. в кн.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955; Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958.

² ГПБ, Q.IV.92.

ник жизнеописаний Корнелия Непота,³ в 1716 г. учителя черниговской коллегии завершили грандиозный труд — перевод «Истории» Тита Ливия;⁴ к Петровской эпохе относятся и «Валерия Максима приклады, памяти достойные».⁵ В 1722 г. появился анонимный «Епиктетов Энхиридион с греко-латинского на славяно-русский диалект преложенный»,⁶ а в 1720 г. А. Барсов закончил перевод «Кевита Фивеанина, философа платонического, Дска о правом состоянии жизни человеческия».⁷ Несомненно, к Петровской эпохе относятся «Афоризмы» Гипшократа⁸ и перевод с польского «Метаморфоз» Овидия.

На основании косвенных данных к первой трети XVIII в. можно отнести несохранившиеся «Епистолии Цицерона» из библиотеки А. А. Матвеева⁹ и ряд других несохранившихся переводов из собрания Д. М. Голицына, известных по описи 1737—1738 г.: «Книга, титулованная Разум Сенекин, или Лутчия речения сего философа», «Диолектика политика премудраго философа Аристотеля», «Книга премудраго Аристотеля о разных вещах физических», «Философа Аристотеля и протчих мудрых о физических вещах описания».¹⁰

Рукописи упомянутых переводов были не единичны, известно несколько списков (в том числе по описям библиотек того времени) «Энхиридиона» Эпиктета,¹¹ «Истории» Тита Ливия,¹² «Афоризмов» Гипшократа,¹³ «Таблицы, или Картины» Кебета.¹⁴ Два памятника появились в двух переводах: кроме изданной в 1709 г. книги Квинта Курция Руфа сохранился рукописный перевод И. Ф. Ко-

³ БАН, 1.2.2. См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. Приложения, с. 91.

⁴ ГИМ, собр. Синодальное, № 295—299. См.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 120—121.

⁵ ГПБ, F.IV.206.

⁶ ГПБ, собр. Михайловского, Q.226. Не исключено, что это перевод И. Ильинского, представленный им в 1724 г. Петру I (см.: *Маилов Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 312).

⁷ ГБЛ, собр. Тихонравова, № 204.

⁸ БАН, 16.16.30.

⁹ См.: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 43.

¹⁰ См.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 241, 243, 246, 247. Возможно, что «Летописец от зачатаия Рима, следовательный, без автора» (с. 246) представляет собой перевод какой-то эпитафы. К этой же группе относится несохранившийся перевод книги «Июлия Кесаря дел описание», выполненный с латинского языка Ф. Л. Анохиным, в 1724 г. по поручению Петра I (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве <...> Синода. СПб., 1878. Т. 3. Стб. 639—640; Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 29).

¹¹ См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 53.

¹² ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 543п/1741; *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 243.

¹³ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 46.

¹⁴ См.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 246.

пиевского¹⁵ и несколько списков дважды переведенных с польского «Метаморфоз».¹⁶

Большая часть перечисленных переводов осталась неизданной, тем не менее в 1708 г. серьезно обсуждался вопрос об издании «Метаморфоз» (по списку, принадлежавшему Петру I),¹⁷ а в 1722 г. Синодальная типография уже готовилась печатать Тита Ливия, однако и это не было осуществлено, так как «зело неисправный перевод» потребовал бы «ко исправлению и труда многого и времени довольно».¹⁸

Совокупность приведенных сведений не позволяет согласиться с простой констатацией того, что «в первой четверти XVIII в. русская литература пополнилась целым рядом новых переводных произведений, содержащих сведения об античном мире».¹⁹ Это было не постепенное увеличение, а резкий взрыв: в 1690—1720-х гг. памятников античной литературы было переведено едва ли не больше, чем за всю предшествующую историю русской литературы, а число переводов, так или иначе трактующих античные темы и сюжеты (историография, драма, проза), необычайно возросло. Отдельным опытом XVI—XVII вв. Петровская эпоха противопоставила целенаправленную деятельность по усвоению античного наследия, фундамента западноевропейской культуры. Какие характерные черты этой деятельности могут быть отмечены?

Несмотря на новаторский в целом характер провозглашенной Петром I культурной программы, многие античные темы и сюжеты были не новы и либо известны древнерусской литературе по прежним переводам, либо изложены по другим источникам. Так, «Энхиридион» Эпиктета был переведен еще в киевскую эпоху, басни Эзопа — в 1609 г., книга Квинта Курция Руфа сменила древнерусскую Александрию, античные мифы, известные по хронографам, в Петровское время предстают собранными в «Метаморфозах» Овидия и «Библиотеках» Аполлодора. Эти узнаваемые темы и сюжеты входят в более обширный круг «вечных слутников», образующих не просто круг чтения, а школьный канон, который и создавался по образцу европейского школьного канона. Подобная ориентация и позволила выбрать для перевода те произведения классических древностей, которые прочно вошли в русскую культурную традицию и заново переводились в XVIII—XX вв. (Эзоп, Эпиктет, Гомер, Сенека, Овидий, Аполлодор, Корнелий Непот, Кебет). Замена или обновление античных переводов совпа-

¹⁵ БАН, II. I. Б 81. См.: Библиогека Петра I. С. 32.

¹⁶ Первый перевод: ГИМ, собр. Синодальное, № 809; ГПБ, Q. XVIII.4: ЦГАДА, ф. 181, № 671; БАН, 17.14.21; второй перевод: БАН, Тек. пост., № 744; ЦИБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 344п/225. Подробнее см.: *Николаев С. П.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Рус. литература. 1988. № 1. С. 162—164.

¹⁷ См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 647.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 219; Описание документов и дел, хранящихся в архиве С. . . Синода. 1879. Т. 2, ч. 1. Стб. 849—853.

¹⁹ *Фролов Э. Д.* Указ. соч. С. 48.

дают и с переориентацией с греко-византийских древностей на римские: почти все памятники прошли латинскую обработку.

Однако сюжетное и тематическое сходство античных памятников, переведенных в Древней Руси и в Петровскую эпоху, относительно. В древнерусской литературе античные памятники выполняли преимущественно роль беллетристики, а Петровской эпохе беллетристика вообще чужда. Не говоря уже об Эпиктете, Кебете, Сенеке — строго философской литературе, даже Эзоп и Овидий воспринимались не просто как литературные произведения. Перевод Эзопа печатается параллельно с латинским текстом — для обучения латинскому языку, а стихи Овидия переводятся прозой и сопровождаются обширными комментариями, превращающими «Метаморфозы» в комментированный свод мифов и античных сказаний. Сочинения Корнелия Непота, Валерия Максима и Ливия рассматривались не столько как исторические, сколько историософские и назидательные. Такое понимание особенно подчеркивал Симон Кохановский в «Похвале истории», помещенной в качестве предисловия к переводу 1721 г. «Увещаний и прикладов политических» Юста Липсия: «Сугубая вина поощряет нас прилежати чтению истории, первое, яко знание различных мимошедших дел некую особную утеху» доставляет, «понеже от естества желаем знати, что многими леты прежде нас содеянно бысть < . . . > вторая вина, яко чтение различных историй многую ползу приносит нам, егда нас поучает о должности приватного нашего жития, показывает притчины бед и тяжких перемен в государствах и подает советы к народному управлению».²⁰ Рассмотрению второй «вины» посвящена практически вся «Похвала», в частности Симон Кохановский пишет: «Аще добре рассуждати хощем, история ничто иное есть точию жития человеческого зеркало, яко же бо в зеркало смотрящих удобь могут помаранное лице свое отерти, тако и во историях что полезно и чесно и что худо и безчесно зделано, и что от нас подобна чесно или безчесно быти может, ясно видим».²¹ Предложенная здесь концепция истории — «наставницы государей», конечно, не нова и не оригинальна, но Симон идет дальше и заключает «Похвалу» следующими словами: «Потщахся в сем кратком предисловии моем показати многими свидетелствы коль блага, коль похвальна и полезна есть всякая история не точию на высоком достоинстве седящим и государственным дела управляющим, но и тем, которые кроме единому дому своего или кроме единого себе более отнюль не имеют что управлять»,²² — т. е. чтение истории, назидательность ее «прикладов» необходимы и обязательны для каждого человека. Особенно знаменательно почти дословное совпадение сравнения истории с «зеркалом» из предисловия к сборнику «Великое зеркало»: «Сей творец сих повестей или прикладов духовных книгу зело в лепоту Зерцало Великое нарече, ибо

²⁰ ГПБ, Ф. II. 48, л. 2.

²¹ Там же, л. 3, об.

²² Там же, л. 5.

зряя ея в зеркале белость или черность лица своего усмотряет, или ин некий порок удобно познает и имеяй очи положенны во главе, тщится вред от тела своего истребляти»; «узришися весь, си есть по внешнему человеку глаголю и по внутреннему и многая себе подобия или образцы к духовному своему делательству или художеству, подобие же и к вещному и мирскому спасению изборящеши». ²³

Таким образом, 1-я четверть XVIII в. стала не просто новым этапом усвоения античного наследия, в эпоху секуляризации античные «приклады памяти достойные» должны были «европеизировать» и заменить старую паренетическую литературу. В том, что «История» Тита Ливия ²⁴ стала «зеркалом прикладов» для «политичного» человека, можно усмотреть специфику восприятия античного наследия в Петровскую эпоху, которое, конечно, не сводилось к простому удовлетворению некой абстрактной любознательности русского читателя.

Новая концепция античного наследия (и именно этический, «прикладной» ее аспект) не вызвала, кстати, всеобщего одобрения — наоборот, известен целый ряд случаев ее активного неприятия. ²⁵ Даже вполне просвещенный М. П. Аврамов в челобитной императрице Елизавете Петровне писал, что в бытность свою при Петре I директором петербургской типографии он просил «у его величества новопереведенных и его величеству от некоторых якобы разумных людей поднесенных Овидиевых и Virгиллиевых языческих книжичиц для прочитания и ведения из них о языческих фабулах. И по моему прошению тотчас мне оные книги изволил его величество пожаловать, которые я читал денно и нощно с прилежаншем и охотою, и чтанием их обезумился». ²⁶ Не случайно и то обстоятельство, что списки новых переводов все же немногочисленны и принадлежат по большей части культурной элите эпохи.

Предложенная трактовка восприятия классической культуры в начале XVIII в. ²⁷ не охватывает, конечно, всех переводных памятников без исключения. Публикуемая ниже «Повесть о Лукиа-

²³ Цит. по: *Владимиров П. В.* Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884. С. 53, 51—52.

²⁴ В «Предисловии к читателю» Симон Кохановский писал, что некоторые «приклады» Юста Липсия, «мнящихся быти не велми потребные, судилося мне за благо от числа прикладов отлучити, а на место их другие нужнейшие в приличной материи от Тита Ливия прилучити» (л. 1, об.).

²⁵ См.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // *Античность в культуре и искусстве последующих веков.* М., 1984. С. 204—285.

²⁶ Цит. по: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 262.

²⁷ В определенном смысле отношение к античности в России начала XVIII в. повторяет ситуацию в польской литературе начала XVII в. как в трактовке античности, так и в репертуаре памятников. «Луккий, или Осел» также был переведен на польский язык в начале XVII в. См.: *Bieńkowski T.* *Antyk w literaturze i kulturze staropolskiej (1450—1750).* Wrocław, 1976. S. 183—185; *Mikulski T.* *Rzeczy staropolskie.* Wrocław, 1964. S. 405—422.

новом осле» совершенно не укладывается в эту схему, по своему характеру это подлинный «раритет» Петровской эпохи.

Необычен уже самый выбор Повести. Вместо истории и «свято-политичных поступков», которые в Петровскую эпоху ценились гораздо выше «Есоповых фабул» и «романцов»,²⁸ — образцовая античная повесть; вместо назидательности «приклавов», памяти достойных» — трущобный натурализм. Еще патриарх Фотий писал о «Лукии, или Осле», что это сочинение «полно баснословных выдумок и позорного бесстыдства», причем Лукиан сочинял это, «насмехаясь и издеваясь над эллинским суеверием».²⁹ Конечно, какие-то отдельные мотивы Повести созвучны настроениям Петровской эпохи: борьба с суевериями и «забобами», о которых упоминавшийся Симон Кохановский произнес отдельную проповедь,³⁰ самый мотив превращения, метаморфозы, вошедший в политическую фразеологию Петровского времени,³¹ колдовство и чародейство, владевшие воображением людей того времени.³² Однако изучение Повести и ее непосредственного литературного окружения позволяет предположить, что переводчика привлек блестяще воплощенный художественный вымысел, т. е. то, в чем Петровскому времени обычно отказывают.

Повесть известна в одном списке 1720-х гг. и входит в сборную рукопись, принадлежавшую И. Г. Паузе.³³ Семь первых произведений, входящих в эту рукопись, носят историко-документальный характер (инструкция о коллегиях, два списка с издания 1723 г. каталога рукописей Синодальной библиотеки, речь в день рождения Анны Иоанновны и др.), четыре последние рукописи объединены по тематическому признаку: «Калязинская челобитная», «Повесть об Ерше», «Повесть о Лукриановом осле», «Объявление о Великобританском славном монастыре».³⁴ Развлекательному

²⁸ См.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский: (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Рус. литература. 1987. № 2. С. 97.

²⁹ Цит. по: *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914. Т. 1. С. 36.

³⁰ См.: *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 492—494.

³¹ Петр I, писал П. Шафиров, «сочинил из России самую метаморфозис, или претворение» (Рассуждение, какие законные причины <...> Петр Великий <...> к начатию войны против короля Карола 12 <...> имел. СПб., 1722. С. 26).

³² См. недавно изданную повесть первой половины XVIII в. о польском чернокнижнике пане Твардовском: *Бегунов Ю. К.* Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твардовском» // Сов. славяноведение. 1983. № 1. С. 78—90.

³³ Описание рукописи БАН, 17.7.12 см. в кн.: Описание рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1951. С. 284—287. Филиграни бумаги, на которой написана Повесть: Pro Patria, контрмарка I V (см.: *Клепиков С. А., Кукушкина М. В.* Филигрань Pro Patria на бумаге русского и иностранного происхождения // Сб. статей и материалов БАН по книговедению. Л., 1965. № 303 — 1713, 1721, 1722, 1724, 1726 гг.). При переплете листы Повести перепутаны, в публикации порядок восстановлен. Далее при ссылках листы Повести указываются в тексте статьи.

³⁴ «Объявление» — основной источник о Великобританском монастыре, членом которого был и Паузе, см.: *Платонов С. Ф.* Из бытовой истории Пет-

обрамлению Повести соответствует и ее язык, представляющий собой, если воспользоваться существующим определением, «беспорядочное смешение славенщизны с жаргоном фельдфебеля, унаследованных украинизмов и полонизмов с западноевропейской лексикой».³⁵ В Повести много латинизированных конструкций («желающа меня видети ядуща» — л. 100, об.; «оброетох себя ослом быти» — л. 92; «раскупя всю скотину, остался я один последней» — л. 89, об.), характерны обороты с одним отрицанием при глаголе («я никому понравился» — л. 89, об.; «ничего зделав» — л. 93). Эти черты, однако, свойственны многим переводам, здесь же более важным является то, что основной язык Повести не церковнославянский (даже в тех его формах, которые известны по переводам начала XVIII в.),³⁶ а русский — отразивший в диалогах разговорные нормы. Такое решение переводчика можно объяснить только одним: повесть относится к низкому жанру, потому и стиль ее должен быть «низкий», «грубый». Отсюда и известная русификация Повести.

Жители Фессалии («дворяна» — л. 100, об.; «крестьяне» — л. 98, об.; «холопи» — л. 82, об.; «попы» — л. 95) разъезжают «из одного уезду в другой» (л. 88), при необходимости обращаются «к губернатору» (л. 102, об.), иногда появляются «целой ротой» (л. 95), среди них есть «тати церковные» (л. 97) и «салдаты» (л. 86, об.), орудующие «шпагами и тесаками» (л. 98, об.). При надобности виноватых держат «за караулом» (л. 102, об.). Одеваются герои в «кафтан» (л. 81, об.) и «башмаки» (л. 88), заходят «в церковь» (л. 97), носят «борошень» (л. 81), расплачиваются «шеленгами и копейками» (л. 95), сидят «вне избы на галерии» (л. 84), пьют из «достакана» (л. 83, об.), а любовники величают друг друга «дущечка моя» (л. 91) и «ангел мой» (л. 92, об.).

Не только язык отличает Повесть от других переводов античных памятников. Последние переводились для назидания, *ad usum delphini*. А Повесть совершенно не назидательна, и переводчик не скрывает этого, более того, он даже смакует трущобный натурализм Лукиана, используя просторечие при пересказе тех эпизодов Повести, которые целомудренно опустили или передали описательно как польский переводчик начала XVII в., так и О. И. Сенковский в 1840-х гг.³⁷ Это нарушение литературной конвенции сродни петровским увеселениям во «всешутейшем соборе».

ровской эпохи: 1. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1926. Т. 20, № 7—8. С. 527—546.

³⁵ *Исаченко А. В.* Когда сформировался русский литературный язык? // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1978. Bd 24. S. 134.

³⁶ См.: *Живов В. М.* Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Барнарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3. С. 246—260.

³⁷ См.: Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 5. С. 3—74. Полный современный русский перевод см.: *Лукиан*. Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 444—478.

О непосредственном источнике Повести определенных данных нет. Перевод несомненно сделан с латинского, но какое именно из многочисленных изданий XVI—XVII вв.³⁸ было в руках анонима, неизвестно — в Россию в начале XVIII в. могло попасть любое из них.³⁹ Сличение перевода с несколькими изданиями из ленинградских библиотек позволяет пока только указать тип латинской рецензии Повести, ср.:

	1538, 1543	1619, 1657	1663, 1615, 1646
Декиан (л. 81)	Decianus	Decrianus	Decianus
кораспа (л. 95)	carasia	puellae	corasia
Фялев (л. 95)	Philenus	Philebus	Philebus
патрон или Менекел (л. 100)	Menocles patronus	Meneclaus autem herus noster	Meneclaus patronus

Уже из этих разночтений видно, что у переводчика был текст, представленный в изданиях 1563, 1615, 1646 гг. или им аналогичных.

Неизвестны также имя переводчика и обстоятельства появления перевода. Единственный список Повести (с отдельными пропусками, повторами и описками) принадлежал Паузе, который явно не был ее переводчиком.⁴⁰ Но соседство Повести с «Объявлением о Великобританском монастыре» позволяет, кажется, осторожно предположить, что идея перевода «полной позорного бесстыдства» Повести могла появиться как раз в дружеском кругу этого «младшего брата всешутейшего собора»,⁴¹ равно как и идея использования не «глубокословной славеницизмы» (от которой в 1730 г. декларативно откажется В. К. Тредиаковский), а русского языка, еще не утвердившегося в качестве литературного.

Перевод «Повести о Лукиановом осле» — факт исключительный для русской литературы Петровской эпохи, однако именно во многих «раритетах» русской культуры начала XVIII в. были верно угаданы пути будущего литературного развития.

³⁸ Подробные сведения об изданиях Лукиана (в том числе упоминаемых ниже) см.: *Hoffmann S. F. W. Bibliographisches Lexicon der gesamten Litteratur der Griechen. Leipzig, 1839. Th. 2. S. 535—565; Graesse J. G. Th. Trésor de livres rares et précieux ou Nouveau dictionnaire bibliographique contenant plus de cent mille articles de livres rares, curieux et recherchés. Dresde, 1863. T. 4. P. 277—284.*

³⁹ Лукиан был в библиотеке А. А. Матвеева (Библиотека А. А. Матвеева. С. 139) и Феофана Прокоповича (изд. 1619 г. из его библиотеки — ГПБ, 7.23.8.176).

⁴⁰ Труды Паузе известны достаточно хорошо, но Повесть среди них никогда не называлась, не упомянул о ней и сам Паузе в отчете о своих филологических трудах (см.: *Winter E. Bericht von J. W. Paus aus dem Jahre 1732 // Zeitschrift für Slawistik. 1958. N. 5. S. 744—770.*)

⁴¹ *Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 129.*

Путьшествуя во Фесалию, имея тамо дело с некоторым человеком о имениах отца моего, получил я товарищев фесалиских, хотящих ехать в город Ипату, в том крае лежащий, и имея при себе несколько борошня ехал верхом, также имел при том холопа пешаго. Путьшествующи вместе, были разговоры у нас то о том, то о сем. Якоже случилось приближаяся к городу, спросил я их, знают ли они единого гражданина, зовомого Ипархи, ибо имел к нему грамотки, также хотелось мне у него на дворе стояти. Они сказали мне, что знают такова человека, притом объявили, что богат и скуп есть и живет в дому своем точною с женою своею и с одною девкою, и показали мне место в городе, идеже он живет, имея свой дом в саду. Простаяся с ними, поехал я прямо туды.

Постучався потихонку^{1 а} у дверей, вышла ко мне жена его, || юже спросил я о муже ее — дома ли он, а она меня спросила, ^{а. 81, об.} кто я таков и что мое желание есть. Я сказал ей, что грамотки имею от Декиана философа патаренского. Она приказала мне подождати и замкнула за собою двери. Мало потом помедля,^б приказала мне войти. Я, пришедши, поздравил его и отдал ему грамотки. Он намерен был ужинати, сидя с женою своею на малой кровати, а стол бес кушанья. Прочетши грамотку, сказал мне: «Сей Декиан великой мне друг есть и лутчий во всей Греции, благо вторит он, что пишет к своим друзьям. Видиши, Лукиане, что сие жилище мало есть, но удобно ко обитанию, однако ж аще да угодно тебе, то довольно велико будет». Призвав девку свою Палестру, сказал ей: «Дай сему мужу кафтан, и положи его борошень на страну, и отведи ево в баню», которая в нарочитом разстоянии отсюда была.

Я пошел с Палестрою, которая мне презрядной дом показала и сказала, что мне во оном начевать: «И малому твоему дам я постелю и подушки». Когда мне сие сказала, дал я ей ячменя на корм || лошади моей. Я, пошедши в баню и умывся, пришел в дом ^{а. 82} и принял меня Ипархи зело дружелюбно и приказал мне сесть подле себя.

Ужина была дорогая, вино приятно и старо. По кушании попили мы^в и поговорили вместе, потом пошли спать. На другой день спросил Ипархи меня, куда я намерен ехать и коль долго у него пребуду. Я сказал ему, что в Коларису поеду, но^г мыслю здесь еще дней с пять промешкати. Обаче же не тако сказал, якоже мыслил, ибо хотел тамо долго прожить, чтоб нечто великое приизобрести и способом чародейства нечто странное видети бы мог: либо бы летающаго человека, или бы онаго в камень превращен-

1, а Написано над строкой. б Написано над строкой. в Написано над строкой. г Вставлено между слов.

ного. Любопытен будучи к сему, прошел я весь город, не ведая, как оного добится.

Между тем подошла ко мне едина особа женская, млада и богата суца, цветною одеждою украшена, имея при себе многих холопей и злата, и стала мне говорить: «Аз есмь Абрея, зело великая дружина матери твоей, ее же детей я како своих люблю, того ради ||
а. 82, об. прошу тебя, да стоиши в моем дому». Я стал говорить ей: «Любезнейшая мати, благодарение великое тебе отдаю и рад бы был у тебе, но явил бы себя брезгующим дружбою друга своего, аще бы покинул дом его. Аз есмь сердцем и душою у тебя». И спросила меня: «Не стоиши ли ты на дворе у скупаго Ипархиа?» На что ей отвечал: «Не глаголи тако, мати моя, он ко мне зело добр и тарават». Усмехнувся, взяла меня за руку и отвела мя на страну и сказала: «Всякими образы стрегися жены ево, ибо есть великая ворожея, яже может мужеск пол дивным обычаем к себе привлечь, а когда глаза свои на молодцов кинет, а они ее не послушают, то отмщает им всею силою: либо их до смерти убивает, или во звери обращает. А ты, мой юноша, лепообразен еси, можеш лехко оной жене понравится, к тому же иноземец и чюженин, которые обыкновенно уничижаемы бывают».

Приметивши, что в доме то есть, его же толь долго исках, оставил я оную женскую особу и стал себе говорить, дорогою идучи: «Буди весел, — глаголю себе, — тако долго желав ^дсему художеству^е ||
а. 83 обучишься, возбуди себя и дерзни подступити, то можеш имети, что желаеши. И аще не позволено с хозяйкою о том говорить, и ты подпади к девке Палестре того дела ради и подружися с нею, а когда ее в своей воле будеши имети, то будеши ведати, еже желаеши, ибо холопи ведают худое и доброе про хозяев своих».

Сие сказав, пришел я домой и не обретох ни Гипарха, ниже жены ево, но точию Палестру, седящу при огне приготавлиющую нам ужину, и я в тот час начал говорить: «О прекраснейшая Палестра, каковыя преславныя ягодицы несещи с сим горшком». Тогда она сказала: «Ягодицы мои отчасти влажноваты, и щастлив будет обмакнувшейся в них». Она была зело нежна и ласкава обычаем. «Отиди, юноша, — сказала мне, — аще умен хочеш быти, разве хочещи живота лишитись. Паче убегай мест наполненных дымом и огнем, аще убо да коснешся мене, получиши язву огненну, что при мне умрещи, тогда тебе ни бог, ниже человек помощи может, ибо палением великую болезнь тебе приключю, его же исцеление не гораздо ||
а. 83 об. снесещи. И хотя бы камением биен был, то не убежиши от сея^{жк} сладкия муки. Что? Или ты смеещя поварихе³ такой, которая не точию кушанье пристраивает, но и людем плотки знает пререзывать, кожу через голову свалакивать, в частц разделяти и внутренное и сердце на части розсекати?» — «Сие благо сказала еси, — молвил я ей, — и хотя я далеко от тебя есмь, однако ж ты меня не точию разожгла, но и огонь даже до внут-

^д - В ркп. испр. из сие художество. ^{жк} В ркп. испр. из сия. ³ В ркп. испр. из поварихи.

ренныя моя вогнала, того ради прошу тебя, проводи меня бес повреждения сквозь сие мучительныя и сладкия исцеления и умертви меня по моему изволению». От сих слов стала она усмехиваться и когда стала ко мне склонней быти, обещала мне, как хозяйва в постель лягут, со мною спать.

Между сим пришел Ипархи и, егда умылся, пошли мы за стол. За кушеньем пили мы много, я притворил себя, якобы спать хотел, и пошел до постели своей. Пришедши, обретох все изрядно убрано, а^И постеля холопа моего во иной хранине. Перед постелью моею поставлен стол, на нем же достакан с вином поставлен был, притом же || холодная и теплая вода, юже Палестра тут поставила, а посыпала она постель серебрянным цветом и повесила над постелью венец серебрянной^К же.^Л Сию вечерину видя готову, ожидал свою сопитейницу. л. 90

Коль скоро хозяйва легли, в тот час пришла она ко мне и было у нас великое веселие, притом же попойка и поцелуи, которыя нас к ночи толь удобнее^М учинили. Тогда стала она говорить: «Юноша, подобает тебе паче всего памятовати, что дело тебе будет с борницею.^Н Чини ныне по своей должности — можеш ли между юношами числиться или нет». — «Я не отрекаюсь сего, — стал я говорить, — и хощу одна поборотся». — «Я хощу, чтоб ты был мне послушен, — сказала она. — Ав, яко главнейшая в сей борбе, буду ухватки имяновати, а ты по тому поступаи». Я сказал: «Повелевай, что изволиш, но ведай себе,^О что сия наша борба изрядно с влажностию будет чинитца». Она, обнажена будучи, сказала мне: «Обнажи себя, юноша, помажи себя мазью и находи на меня. Бедру одну к другой приложа, кинь меня задом вниз и сяде наверх меня, подняв ноги мои вверх, и упади на пахи мои и наколи везде раны и коли толь || долго копьем, дондеже утомисся и бедра войну л. 90,
об. окончат. Копье вытянув, воткни его между пахов, коли бодро и продолжи сие, доколе суперника своего остену склнул, но егда упадеши, то помоги себе немного ко вставанию, но не спеши, дондеже нарочитую победу получил еси».

Егда исполнил ее приказ и прииол конец нашего борения, тогда ухватил я ее и стал говорить: «Мастерица, я тебе во всем послушен был, только, пожалуй, усмотри: прямо ли я делал? Перемени борбы сей ухватки и повелевай другим обычаем». Она ударила мене в лице и сказала: «Какова я ученика здесь имею? Аще да не будеш мя лутчей слушати, то и бит будеш». Тогда встала она и стала приготавливатца ко новой борбе и сказала: «Покажи ныне силы свои и аще да муж и в сем коленном борение искусен еси». Тогда стала она на колени, наперед наклоняся в постелью, и сказала: «Ты, борец, охвати тело мое поперег и потряси меня хорошенко и коли в рану глубоко, видиши бо меня нагу; пехни поспешно копье внутр, погни ево, спрятав ево совсем внутр, и не чини долгия промешки. Между тем в борбе || буди опасен копие вы- л. 91

^И Написано над строкою. ^К В ркп. испр. из сраборинной. ^Л Написано над строкою. ^М В ркп. испр. из удобней. ^Н В ркп. на поле глосса мастерица в борбе. ^О Написано над строкою.

тягати прежде, пежели скажу, но нагнувшись подавайся за товарищем своим, а когда его озем урониши, то паки еще борися, доколе устанеш и утомлен будеш и пот с тебя польет». Я начел смеяться и сказал: «Мастерица, я тебе также некоторые слова скажу и желаю, чтоб мне послушна была: встани и обратясь ко мне передом сяди и дав мне правую руку помирися со мною, ныне бо время есть спати».

Проводя пощ такими утехи, забылася и езда во Ларису. Егда мне во ум пришло оное, ^пЧему же^р учиться желал, стал я говорить: «О сладчайшая моя Палестра, прошу тебя, сочини, дабы госпожа твоя чародейством когда ни есть подобие свое переменяла, я зело желаю^с такое дивное чюдо видети, а особливо от тебя, аще да известна сему, о чем весма не сомневаюся и не могу я ни от кого паче научитися, якоже от тебя, душечка моя. Аз, бывый преж сего, аки камень, тверд и никогда же глаз своих ко люблению ни на кого не метывал, а ты меня приятностию своею холопом себе сочинила». || — «Ругаеся мною, — стала Палестра говорить, — кто может пеннем любовь одолети, аще да не есть мастер того художества? Я клянуся тебе главою своею и добрым сердцем, его же к тебе имею, что чиста есть от сего, но подожди, дондеже случай дастся, я буду домогатися, чтоб ты мою госпожю видел во ином подобии». Потом^т пошли мы спати.

л. 91,
об.

По нескольких днех возвестила мне Палестра, что госпожа ее, во птицу обратясь, хоцет ко любовнику своему летети. «Тогда будет время, — сказал я ей, — наше желание исполнити». И сказала мне: «Потерпи немного». Егда стала ночь приближатися, привела меня она ко дверям комнатным и приказала мне в цель смотреть и примечати, что тамо деется. Тогда я увидел ее бес платья нагу и был тамо фонарь зажженный. Имея две вещи в руках, едина из ладона, иже зажегши, во фонарь поставила и говорила много ко свече. Другая вещь была шкатулочка, юже она открыла, а было во оной различныя ящички, выневши един^у из оных, но что во оной было, тому неизвестен, однако ж, кажется, будто полна была масла. Сим она вымазала || все свое тело сверху донизу, тогда получила она крылья и кривой нос, яко сова, и начела летати и кричати, подобно обыкновению тех птиц, и вылетела из дверей.

л. 92

Сие показалось мне быти сном, того ради стал глаза свои щупати, насилу веруя, что сие видел, мысля, что пробудился от сна. И когда дознался, что не сплю, спросил Палестру, могу ли я во птицу обратиться, егда тем же маслом помазан буду, понеже хощу однова отведать, могу ли я ис человека птицею быти. И открив двери, выняла она ящичек. Я розделся и скоре вымазался, но я, бедняк, не превратился во птицу, но стал получати хвост, и не ведаю, где мои персты девались, а получил копыты, уши мои

^{п-р} В ркп. испр. из еже. ^с В ркп. после этого слова заключено в квадратные скобки видети. ^т В ркп. испр. из потому. ^у В ркп. испр. из едина.

стали быть долги, а голова вниз повисла, а когда себя прямо осмотрел, обретох себя ослом быти. Речь у меня отиялася, что жаловаться не мог; я домогался всеми мерами дать ей знать, что меня вместо птицы во осло обратила. Она меня стала щекотити и голову гладить и стала говорити: «О небеса! Что я соделала поспешнем моим? || Обманул подобием своим ящичек меня, однако ж, ангел мой, не бойся, сие может легко исправитись, ибо егда цвета серебрянного поесц, то обратисся паки во человека, того ради принесу тебе и серебрянного цвета». Сие сказывая, гладила меня необыкновенно.

л. 92,
об.

Я телом своим был ослом, а душею человек и zelo жаловался в себе на Палестру, кусая себя в губы свои, и пошел к лошади своей и к подлинному ослу Ипархову, которая меня пришедшаго видя, опасаясь, что сено их прием, опустили уши свои и изготовились меня брыкать. Сие дознався, пошел я прочь от конюшни, смеючися в себе, но смеяние мое было ржание. Между тем мыслил я в себе: «Аще бы да теперь волк к нам пришел или иной лют зверь на меня, беднаго?» От сего попечения пришел мне страх, чтоб какова зла надо мною не учинилось.

Сие было гораздо поздно в нощи и zelo тихо, иногда же слышался мне шум, аки бы воры вламывались. Уже дпра такова велика стала, что человек может влесть, между тем уже многия оруженныя вошли и связали Ипархиа, Палестру и холопа моего и пограбили все, что в дому было и взяли меня || с моею лошадыю и другим ослом с собою и положили тягости, которая были, на нас и погоняли нас палками, и побежали вверх на горы. Мы необыкновенны были между нами ослами такую тягость носити, а особливо не имея подковы, принужден по острым каменем ходити. Я уже было пристал и повалится хотел наземь, но муж, следуя мне, бил меня палкою непрестанно, а когда мне похотелось на кесаря послатся, то ржал вместо глаголания, но точию «О» великим гласом мог испущати, а слово «кесарь» не хотело следовати и того для вящее был биен, может быти, что сего моего ржания боялись, чтоб по нем найдены не были. Ржанием моим ничего зделав, намерялся я, чтоб не был бит паче, нишкнути.

л. 93

Уже стал быть день и перешли мы многия горы. Губы наши были завязаны, дабы на пути чего не ясти и время тем не потерять. Около полудни пришли мы к нескольким разбойником, знающим наших людей, еже из поздравления и из глаз приметити возможно было. Оне приказали борошень снять и обедать. Мы получили несколько ячменя, || а когда протчия ели, был я иногда голоден, Фибо к такой пице необыкновенен был.^x Мысля себе, что мне ясти, увидел огородец за двором полон капусты, между которыми показалось мне серебряннику быти, а доколе они ели, пошел я на двор капусты ясти, также и серебрянника пощипати, надеяся паки во человека обратитись. Пришед во огородец, наполнил я чрево свое реткою, салатом и седдериею, однако ж не было тамо

л. 93,
об.

Ф^x В ркп. заключено в квадратные скобки.

сереборинника, но были тамо цветы диких лавров. Чело­веки ска­зывают, что худо лавр ослям ясти, а благо есть лошадям, ибо егда осли онаго поедят, в тот час помрут.

Сие увидев, огородник выгнал меня палкою, ни жопы, ни спины желея, подобно якобы разгневавшийся^ч господа к пой­маным во­рам поступали: уши мои и главу мою, почитай, в лоскутье всю розбил. Вытерпев сие побои, аз задними ногами капу­сту потоптал и ушел на горы. Сие видев, хотел он пустить собак своих за мною.

4. 94 В ту пору я испужався, что разорвут || меня,^ч понеже были такие пси, что могли медведя брать, и я вздумал, что лутчей домой воз­вратится. А собак они еще при себе держали и не перестали меня бить, доколе все травы, их же ел, от болезни принужден был высрать.

Уже приспевать стало время прочь отъезжать и борошень на­кладывать, его же покрали. Я от таковых побоев и тяжелого но­шения^ш утомлен стал быть и намерился на дороге лечь и остатся, хотя бы меня до смерти убили. Понеже я мыслил, что необходимо принуждены тем будут мое бремя на лошадь и другаго осли раз­делить, а меня волкам на съедение оставят. Но не ведаю, кой черт мне так ненавистен был, что все моп замысли противно соделались. Кажется, что другой осел со мною то же мыслил и лег на дороге, его же немилостиво дубьем розбили, однако ж не помогло, и та­щили ево иныя за хвост, иныя ж за уши,^щибо не могли^б его^з впе­ред подать. Но трудились напрасно —^юа он лег, аки камень^я — и понеже^{п. а} желали убежати и оным делом поспешити, того ради взяли борошень, на нем лежащей, и положили на меня и на лошадь и отсекли у него копыты, дав ему умерети, и тако скон­чал || он свое дело. Увидев, во что мой вымысл обратился, наме­рился я бремя свое нести с терпением, надеясь где ни есть некогда сереборинного цвету получитьи, дабы в человеческом состоянии паки быти, а особливо егда выразумел от разбойников, что уже недалеко ехать до их места, идеже мыслил отдохнуть.

4. 94, 06. Перед вечером приехали мы домой. Тамо сидела старуха у огня. Принесли борошень в дом, спросили ее, чего ради тамо сидит и кушанье ко обеду не готовит. «Я готова», — сказала она и по­ставила им вина, хлеба и мяса дичины. Тогда они стали хвалить бабу и сели у огня, стали себя мазать маслом и было тамо судно полное горячей воды, ею же они умылись.

Немного потом пришло несколько юношей со златом и серебром и с одеждами и со женскими и мужескими уборы. Все то было об­щая здобычь. Егда оное внесли, пошли также умыватись и поели довольно вместе. Между тем было довольно говорено о смертном убивстве. || Старая баба дала мне и лошади ячменя. Лошадь ела поспешно, бояся, чтоб я ее не избидил, но когда баба возврати-

^ч ся написано над строкой. ^ч В ркп. написано дважды, первое слово заключено в квадратные скобки. ^ш В ркп. испр. из ношение. ^щ-ы На­писано поверг зачеркнутого и понеже. ^з После этого слова зачеркнуто не могли. ^ю-я В ркп. эти слова заключены в квадратные скобки.

^{п. а} Написано поверх зачеркнутого и понеже.

лась, поел я хлеба, которой тамо лежал. На другой день оставлен был с бабою един юноша и каждой дело свое управлял. Егда я увидел, что призорщиков имею, стал я воздыхать в себе. Женку я ни во что ставил, ибо мог бы скоро у ней из виду уйти, но юноша шпагу при боку имеющаго наипаче боялся, ибо караулил у двери.

Другаго дни пополудни пришли воры паки, но не принесли ни злата, ниже серебра, точию красную девицу, зело воющую. Волосы у ней висли по сторонам главы, а платье было изодраное. И посадили ее на солому и приказали ей покойной быти, приказывая старой бабе всегда дома быти и прилежно смотрети за девицею. Сия не хотела ни ясти, ниже пити, всегда плачущи^б и за волосы терзающи^в себе. Мне ее зело жалъ стало и хотел бы с нею быть.^г

Иногда же едали сие воры вне избы на галерии. Между сим пришел един из лазутчиков и сказал, что || един ис чюжих со многим именем сего дня путешествовати будет. Они, како оруженны были, встали, взяв меня и лошадь с собою. Я, бедняк, не ведая, что мне на войну ити, и шел полениво — стали меня бить палкою. Приехав на то место, откуда тому чюженину подыматся, напали они на его воз и убили извощика с его людьми до смерти; лучшее добро положили на меня и на лошадь, а достальное схоронили в лес, доколе паки возвратятся. Многия побои получа, спотыкнулся я через камень, отчего получил великую рану и во всю дорогу принужден был храмать. Тогда начели они говорить: «Что нам с храмым ослом делати? Да сплехнем ево сверху, ибо ни к чему годной скот». Угрожая меня таковое дело над мною соделати, и понеже я оное благоразумел и ведал, коль далеко нам еще путешествовати, забыл я свою рану и пошел полутчей, ибо страшился смерти.

Егда мы паки ко двору пришли, сложили оне наши бремена, а сами пошли ужинати. Когда ночь пришла, пошли они в лес достальное добро забрать, но един из них сказал: «Покинем беднаго осла дома, ибо от раны || ити не может. Что еще есть, можем на лошади привезть». Сие сказав, пошли они с лошадью туды.

Тое ноци луна светила. Стал я себе говорить: «Что мне, окоянному, долей здесь быти стервою на съедение птицам и кожу с себя дать свлеци? Или не ведаеши ли, что оне тебе сказали? Хочеши сверху низвержен быти? Видиши лунную ночь, воры отошли: убеги от сих убийцов». О сем размышляя, почювствовал я свободен быти и изготовился к бежанию. Из двора вышел, пошел я наутек. Сие увидев, баба ухватила меня за хвост, а я ее потащил с собою. Стала она кликать девицу, которая у ней была в помощь, девица пришла и осмелилась дерзновенное дело зделать, ибо взлезла на меня и побежала прочь. Я, будучи склонен к побегу, стал скоро бежать, оставя бабу позади нас. Сия девица мо-

^б В ркп. испр. из плачуща. ^в В ркп. испр. из терзающа. ^г В ркп. испр. из первоначального быть.

дилась богу о избавлении^д и сказала мне: «Аще да меня к дому отца моего принесеши, не будеши болши работати и по вся дни добрую меру ячменя имети будеши». Дабы от душегубцов убежати и ради слов сей девицы, не мыслил я о ране и бежал, || елико мог.

4. 85, об. Между тем прибежав ко распутию,^е разбойники назад едучи к лунному свету увидели нас, того ради принуждены были паки к ним в руки отдаться. Когда нас взяли, обратились все к девице и стали говорить: «Любезная девица, дорогая овечка, чего ради блудно бегаеши по неизвестной дороге? Или не страшился диаволов? Пойди паки назад, ибо хотим тебя паки отдать родителем твоим», — еже смехом говорили и толкнули меня паки. Я, вздумав на свою рану, начел паки храмати. Тогда стали говорить: «Ныне паки пойманны начел храмать, а когда уходил, тогда невозможно было признать, что худо шел, и притчей^ж был лошади или птицы».

Тогда^з меня так били, что весь зад у меня болел. Домой пришед, обрели, что старая баба удавила себя, бояся разбойников, что девица со мною ушла. Отрезав ее, удивлялись тому. Тогда связали они девицу, а сами пошли ужинать. Про девицу говоря, 4. 86 напились они половину допьяна, || глаголя:^н «Что нам с такою утеклицею делати? — сказал один из них. — Понеже^к хотела у нас хлеб отнять и на нас довести, и егда бы до своих людей дошла, в каком бы мы страхе были, ибо в тот час бы^л дом наш нашли и стали б караулить. Да отмстим ей, яже нам изменить хотела, подобает нам ее^м продолжительной и мучительной смерти предать».

Между сим когда сие договорили, какую ей смерть учинить, сказали: «Да умертвим и осла при ней, ибо ходит всегда хром и аки увечный; однако ж ко уходуению ей помогал и способен был. Да распорем ослу череву и, внутреню выняв, воткнем ее в него, точию бы едина глава наруже была, дабы не толь скоро умерла. Потом зашив крепко, будет стерва воронам. Пожатуи примечай сей образ мучения, ибо сперва воткнуть ее живу в мертвого осла и егда солнце печь станет, во чреве сварится. Сверх того, она з глада умрет, а не будет удобна сама себя убити. Сверх сего, в вонючей стерве полна червей будет лежати, тогда вороны мертвое ее тело, еще самой живой сущей, изнурят».

4. 86, об. Сие слышав,^н изобрели сей || совет за благо. Я стал тужить и печалится, аки к смерти ведены, однако ж не тако о себе, како о невинной девице, никакова зла соделавшей.

Уже было в сумерки, егда несколько салдат пришло сих матаев ловити, их же всех связав, к суду отвезли.

Между салдаты был и той, иже был обручен с девицею, и сих разбойников сыскивал. Он, посадя невесту свою на мою спину, и привел меня в свое жилище. Егда домашния нас увидели, о сем

^д В ркп. испр. из избавление. ^е В ркп. испр. из распутию. ^ж В ркп. испр. из прутчей. ^з В ркп. испр. из иногда. ^н Написано на поле. ^к Написано на поле. ^л Написано над строкой. ^м В ркп. испр. из ей. ^н В ркп. испр. из слушав.

уведомились от моего ржания и вышли к нам далеко навстречу, и привели нас в дом свой. Сия девица, напамятавав, что помог ей ко ухождению и что купно с нею к смерти приговорен был, приказала своим людем попечение имети о мне, чтоб давали по мерке ячменя на каждой день и толико сена, колико вельбуду потребно.

Я, увидев тамо, что сабаки в том доме довольно кормлены были, прокляя я Палестру, что меня во осла, а не во пса || обратила. л. 87

Немного дней по свадьбе просила она отца своего, чтоб уволен я был от всякия работы, и сие он допустил и приказал мне свободно и вольно бегати при его лошадях. Еже бы было изрядно дело, аще бы продолжилось. Он приказал своему конюху, иже смотрел за лошадми, чтоб меня свободна имел, дабы не носил какия бремена. Приведши меня к лошадям, кормил меня с ними и было мне в то время благо, подобно каково Кандавлу преж сего. Но инако случилось, якоже чаял, ибо оной конюх, отъехав, оставил меня у жены своей, яже заставила меня рожь и ячень молоть. Сия была малая работа благодарному ослу толико намолоть, елико господину его про себя потребно, но сия жена, склонна будучи ко прибытку, заставила меня и на тех молоть, которые пахали. Между тем не получал же я и указной свой ячменя, но заставила меня оной молоть и пекла лепешки, а вместо ячменя давала мне калачи. Когда корм лошадиной скотипе привезут, тогда я имел, яко чюжанин, иногда толчки и побрыкушки, тако что не мог сей зависти отбыть. Я в краткое время стал быть либив телом || и невзгляден, в доме непрестанно работая, никогда же в поле не пуцаем, идеже не был без гонения от лошадей. Принужден же был иногда с гор дрова носити, еже мне всего тяжелей было, ибо надлежало мне на горы влазити, яже зело каменисты и остры были, ^опонеже не имел подков,^п и был водим простым малым, иже весма на иную стать меня мучил. Сей меня не точию бил деревом, но к тому же было оное наполнено спицами и гвоздем, тако что зад мой от того полн скважней и ран стал быти, ибо бил меня всегда по одному месту. Сверх того, накладывал на меня великие тягости, яко бы на слона, и хотя гора зело крута была, однако ж бил меня непрестанно. л. 87,
об.

Когда же бремя мое на едину страну болши наклонится, тогда он не сымет дрова с тяжелой страны и не положит на лехчайшую^р — отяхчал камением, дабы бремя равно висела. Тако принужден был бедственно дрова и ненадобныя камене носить. В хождение своем надлежало нам чрез реку переходити, || и он сзади^с на гузно мне сядет, чтоб башмаки свои не помочити, а когда от утомленна некогда упаду, тогда мне зело зло бывало, ибо не переставает меня бити по голове, по ушам и по телу, доколе принужден буду встати. л. 88

Еще ж одно зло я претерпел: повесил он мне назади несколько колюща зелия ко хвосту, чтоб кололи меня в ноги, от чего принуж-

^о — В ркп. заключено в квадратные скобки. ^р В ркп. написано дважды, и второе слово зачеркнуто. ^с В ркп. испр. из ссади.

4. 88.
об.

ден был скоро бежати. Сего зла не мог я убежати, ибо егда поленився поиду, то непрестанно палкою бит был, аще же не похощу биен быти и резвее побегу, тогда еще паче спицы меня кололи. И знатно, что сей ослевоу пастух конечно меня погубити хотел. Егда ж я его снова брыкнул, того он долго не забыл. Когда ему приказано было пенку или грубой лен из одного уезду в другой перевозить, положил он мне оной на спину и привязал ево накрепко, и знатно, что он меня тем хотел уморить. Егда я немного прошол, взял он головою из огня и заткнул ее за пеньку, || которая от огня стала тлеть. Почювствуя жар, пошел я в тот час в стоящую воду ваяльца, доколе огонь погас, и тако я досталнои путь с великим страхом отправил, ибо не мог болии пенку зажечь, наполненую воды и грязи. Сей воровской пастух ослиной, егда домой пришел, сказал, будто моею виною соделалось, и будто я доброволно во огонь пошел. Другой малой еще паче зло на меня вымыслил, ибо егда на меня тяжелое бремя наложо до горы дозвезет, продаст он оныя дрова ближайшему крестьянину, домой пришед винит меня, что я безпутен, сказывая: «Чего ради кормити сего ленивого осла? Послушайте, что он делает. Егда увидит хорошенкую девушку, начнет брыкать и учинит топать, и побежит к ней, якобы человеки, егда в кого влюбится, и хочет ее кусая целовати, отчего вам немало хлопот учинится может, ибо егда он дрова нес и девку хорошую завидел, сбросил он дрова со^т спины долой и полетел на нея, аки бы хотел ее изсилничать, и ежели б сторонняя оную из глас такова прекрасного любовника не увели, хто ведает, како бы скончалось».

4. 89

Хозяин тому поверил и сказал: || «Егда осел таков ленив, к тому ж нападает на женской пол, и ты убей его, дай его внутренняя^у птицам, мясо его хорошо работным людям. Егда же тебя кто спросит, каким образом он перевелся, и ты скажи, что волки его проглотили». Сей беспутной детина сему обрадовался и приготовился меня погубити.

Между тем пришел крестьянин, иже избавил мя от смерти и еще тяжкая нечто на меня вымыслил. «Не убейте его, — стал он говорить, — ибо добр есть к лошадиным мельницам, оныя поворачивать и тягости носити. Сие невеликое дело есть, что влюбляется в женской пол: валошите его, то будет жирен и удобней бремена носити. Аще да не известны есте, како валошить, и я к вам дни в три или четыре пришлю человека умеющаго сему». Все при том стоящая сей совет за благо прияли. Услышав сей приговор, пачел я кричати, яко муж, ему же во осле умерети. Я бы лутчей от глада умер или бы с какой высоты опустился, точию бы от такова окояного житья убежати. ||

4. 39.
об.

Между тем прибежал присланной, возвещая, что муж младья жены, вырученной от разбойников, на море утоп. И знатно, что холопи не охотны были долей служити, взяв все, что забрать могли,

^т Доб., в ркп. нет. ^у В ркп. испр. из внутреннее.

и положи на меня и лошадь, пошли паутек. Зело я^Ф противно принял, что принужден был такое бремя нести, его же ослу не принадлежало, однако ж не без радости мне было, что валошенья отбыл. Мы путешествовали всю ночь, а на третей день пришли мы во Верею граду, сущий^Х во Македонии, немало величества, в нем же поводительщик мой, имения продавши, жити намерен был.

Продавец вывел нас на площадку, а купцы посматривали нам в рот ради познания наших лет. Раскупя всю скотину, остался я один последней, и приказал меня продавец паки домой отвезть, сказывая, что я никому понравился. И хотя меня часто выводил на продажку, однако ж купца найти не мог. На остаток нашелся один^Ц старичок, сущей женской дурак, един ис тех, яже сирскую богиню туды и сюды по уезду носят и за несколько денженко оную кажут. Ему же я за 30 шеленгов дороною ценою продан был.

Егда ж мы || ко двору Филевову пришли ^Ч(сице именовался ^{а 95} оной купец), ^Ш крикнул он громким голосом у дверей: «Корасиа, — сказывая, — я вам изрядного великого холопа купил, рожденного ис Кападокии». Сих корасий была целая рота бабьих дураков, яже Филеву помогали. Сии^Щ ему веря, чаяли, что он им правду сказал, егда ж увидя осла, стали брюжжать на Филева, иже не холопа, но жениха привел достойного на ево свадьбе таковых же молодых произвести. Сему стали все смеяться.

Каждой труждаяся в своем деле, поставляяя богиню на меня, вшедши в город и отчины проезжая, пришли мы в крестьянской дом, идеже я, имея богиню на спине, остановился. Имеющей над^Ы сим призор, наполнены божества, говорил несколько слов, прочия свергоша митры с глав, подвязав главу под горлом, биючися мечами и каждой резал по языку, тако что везде кровь полилась.

Зело я в то время испужался, чтоб той богине также ослышав крови не понадобилось. Егда несколько крови они испустили, получили они несколько шеденог и кошеек || от около стоящих, иныя ^{а. 95, об.} давали ягоды⁹ винныя,^Ю фи́ги, сыр и вино, иныя пшеницу и ячмень ослей. От сего получали они себе пищу и жертвовали богине.

Проходя иногда некоторые дома, поймали они единого юношу, его же утащили к себе на постоялой двор и чинили с ним, якоже с женою, како таковыя дураки женския обыкновенны делати. Я сожелел, что во осла обращен бых, ибо не мог бы такова воровства терпети, а когда пожелаю закричать «О воры!», то испущу великое ржание от себе. Сие услышав, входят в дом, ибо долго искаху меня, а егда найдены бываю, выходят с поспешным провождением их дома, и дадут знать воровство сих попов во всей земле. Они же, убоявся воровства своего, убралися с борошнем своим в ночь на уход.

Егда в какое место придут наодине, гневаются на меня и бранят меня, что от крика моего находятся, однако ж сносно мне было

^Ф Написано над строкой. ^Х В ркп. испр. из сушу. ^Ц Написано над строкой. ^Ч ^Ш В ркп. заключено в квадратные скобки. ^Щ В ркп. испр. из сля. ^Ы Испр., в ркп. нацн. ⁹ Написано над строкой. ^Ю В ркп. заключено в квадратные скобки.

брань слышать, а потом и довольныя побои имел. Сняв с меня богиню и привязали меня || ко крепкому дереву, хотяху меня до смерти засечь, дабы потом молчати мог. По многому биению придумали они меня зарезать, понеже чрез меня найдены и не могли от меня обыкновенную свою корысть имети, но помозию тое богини, яже низложена лежала, избавился я, ибо никто из них оную несть хотел. По многом биении, еже получил, посадили они богиню паки на меня и начали паки путешествовати.

На вечер пришли мы во уезде к некоторому зело богату мужу, иже нас зело таровато подчивал и дал жертву богине. Здесь я был также в великом страхе, ибо некоторой друг нашего хозяина прислал ему часть дикого осла, юже неосторожностию повара собаки съели. Сей зело боялся господина своего, мысля что до смерти убьет его, однако ж отбыл онаго способом некакие жены, сказавшей: «Аще послушаеши моего совета, будеши избавлен. Сие чюжия люди имеют осла, || его же отведи в лес и убий онаго, и возмий от него такову ж часть и изготви оную господину своему, а остаток остави тамо, ибо помыслят, что осел их ушел и сыскать оного невозможно, понеже сей осел жирен и дикому зело подобен».

Совет сей принял оной и пошел ко мне оное чинити, помышляя сим отбыти гнева господина своего. Между тем стал я мыслить, что из меня будет, и придумал от такова страха убежати. Проломався везде, прошел к своим господам ко столу и свече, мысля чрез сие избавитись и сим образом во опаснейшем месте замкнenu быти. Но сие мне едва не сочинило смерть, ибо мыслили, что я збесился и стали меня колоть шпагами и тесаками и бросали по мне камнем и поленьем, дабы погубити меня. Сие видя, пошел я во оное место, где моим господам было спать, а оне за мною снаружи^я дверь затворили.

Из утра рано пришли те воры ко мне и посадили || богиню на спину мою и привели меня во иной богатой град, идеже паки новая игрушка соделалося, ибо богиня не захотела тамо в простом дому поставлена быти, но в лутчей церкви. Гражданиа зело были склонны сию богиню подле своего бога поставити, а нам дали маленькое убогое постоялице. В сем месте пробыли они несколько дней, егда же хотели отити, пошли они в церковь богиню взяти, но сии воришки украли златую скрипицу ис церкви, юже под богинею схоронили. Гражданиа, нагнав и поймав господ моих, называя их татми церковными, обыскав все тщателно, нашли оную сохранену под богинею, того ради сих бабьих дураков связали и в город пленными привезли, поставя богиню во иную церковь, отдав скрипицу своему богу. Тогда продан был я хлебнику, в деревне живущему, иже десять мер пшеницы на меня взложил, их же зело трудным путем принужден был до двора нести. Имел он дома еще разныя скоты мелющия, которыя ему муку малывали. Но мне, яко новопришедшему, тот день || дали отдохнуть, но на другой

я Испр., в ркп. снаружа.

день привязали меня и заставили^{III, а} в мельнице бегать. Сие ремесло мне за обычно было, ибо и прежде сего оное чинил, однако ж притворил себя, аки бы неизвестен сему был, дабы мог отдохнуть. Но некто (мне не в догад, ибо не мог видети) изрядно бока отломал тако, что мельница стала вертетьца, аки колесо. Тогда научился я, что рабу готову быти подобает к делу, ему принадлежащему, и не дожидатись госпоцкия руки.

От сей работы стал я зело либив и слаб быти, того ради продал он меня огороднику огород ево пахати. Сей часто заставлявал меня зелень на рынок посити, иногда же, егда сеял и пересаживал, был я свободен. Но понеже зимнее время было, принужден я великой холод терпети, ибо огородник едва себе постелю^б имел, не точию мне, и принужден я был на сырой и твердой земле валяться, к тому приневолен был твердой и горкой салат и капустное листье ясти. †

Случилось нам однова встретитися на пути с служивым человеком, иже огороднику молвил италианским языком, вопрошая его: куда идет со ослом? Сей, не разумея ево, не отвещая ему. Салдат, мысля, яко сие чинит ругаяся ему, и начел огородника бити. Сей ударил салдата оземь и гораздо его потоптал. Салдат, боронясь, кричал: «Егда паки встану, шпагою проколю!» Крестьянин, слыша, что над ним хошет делать, вынял шпагу из ножен и закинул оную, довольно наполни котомку его побоями. Салдат прикинулся, аки бы мертв был. Огородник, оставя его лежащаго, и пошел в город со шпагою. Между тем отдал крестьянин свой огород устроить иному, опасаяся оного, еже учинил, и спрятался со мною, а по совету товарища своего замкнулся во сундуке, а меня взвели на чердак.

Салдат с великим трудом встал и едва ити мог от побоев. Сей пошел во город своим товарищем жаловатись, котория между тем^в к нему навстречю || вышли. Сие ведав, идеже мы были, били челом начальству, котория нас способом крючка приказали из дому вынять, и понеже огородник спрятался, сказали салдаты, что он и осел во дворе, котория ж в дому были, сказали, что никого кроме их в доме несть и ни осла, ниже крестьянина в доме^г имеют. Егда же великой крик в таком малом местечке учинился, пожадничал я ведати, что делается, и высунул главу свою в малое окошко. Тогда увидели меня и учинили всех в дому сущих^д лживцами, и высмотрели везде прилежно, и нашли крестьянина, лежащаго в сундуке. Вытащив, отдали его судье к наказанию. А меня, спустя паки вниз, отдали салдатом. Они все стали мне смеяться, что я господина моего предал, отчего сия пословица соделалась: «Осла увидевши».

Что с тем крестьянином далее соделалось, не могу узнать. Я был продан салдату, иже был слуга великого господина во Фе-

III, а В ркп. испр. из заставил. б В ркп. испр. из постель. в Написано над строкой. г После этого слова в ркп. зачеркнуто не. д Написано над строкой.

салии. Сей был повар^е и приготавливал кушанье, у него жил брат его, пирожник и блинник. Сии^ж употребляли одинакия со-
суды^з ко делу своему и определили мне || место, идеже остатки схо-
жия со стола ставятся, от одного рыба и мяса, а от другаго пироги
и блины, и замкнули меня тамо, доколе ходили мыться. Я, отставя
ячмень, наполнил чрево свое пищею человеческою. Паки при-
шедши, не приметили за излишеством еств, что я из них поел,
ибо взял от каждой понемногу. Дознався, что оне онаго не при-
метили, наполнил я брюхо свое ествами еще лутчей прежних.
На остаток, егда стали догадываться, мыслили, что един товарищ
другаго окрал, и не осмелились стыда ради сказати. Наконец,
стали куски и остатки сщитати, а я между тем таковою пищею
забавливаясь, стал гораздо жирнея телом, тако что власы на кожи
моей стали лснитися. Они, видя, что я жирнея стал, а ячмень мало
убавляется, стали недоверку имети во мне. Затворя дверь, пока-
зали вид, будто хотят мыться, и увидели в щель, что я делал.
Я о сем не ведая, начел по-старому обед свой отправляти. Они
в тот час начали смеяться того ради, что увидели осла ядуща пищу
ему необыкновенную, и кликнув || протчих свою братию холопов
во свидетелство и начали все крепко смеяться и хахотать, тако что
господин спросил, что у них деется. Сие слышав дело, встал
и видел сам оное в то время, егда я с куском дикого поросенка во-
зился,^и и вшел ко мне смеючися. Мне зело стыдно стало, что в во-
ровстве и лакомстве найден. Приказал меня к своему столу при-
весть и повелел стол для меня убрать таким кушаньем, его же
иной осел не стал бы ясть: уистеры были сырыя, а рыба с^к соле-
ною поливкою, олею и горчицею приправлена. Сие щастие зело
мне приятно было. Мысля сею издевкою себя прокормити и со-
держати, при столе стоя, прибрал я весь обед, отчего вся беседа
утешилась. Егда же стали говорить, будет ли осел пити, аще ему
нальют, и господин приказал мне поднести. Увидев сие, заплатил
он моему хозяину денги вдвое и отдал меня одному из волних его
слуг, чтоб меня кормил и учил, что он похощет. Ему лехко было
меня учить, ибо охотно слушался его и все то делал, что он ни
станет пред мною делать. Сперва учил он меня колени нагибать
на кровати, || како человеку, потом с ним играть, петь, стоять
на задних ногах и по ево словам на колени припадать. И делал
я все за ним, что мог.

Уже во всем городе прогласилось, что есть такой осел, иже вино
пьет, играет, пляшет, а всего дивнея — человеческому голосу
послушен. Когда мне пить похощется, и я мог миганием очес
о том признак дать слугам, чему никто довольно мог надивитись,
не ведая, что человек в осле торчит. И утешался их глупостью.
Я научился ходити, своего господина нести и бегати без утружде-
ния на мне сидящем, одежды имел на теле своем драгоценныя от

^е На поле глосса харчевник. ^ж В ркп. испр. из сия. ^з Испр., в ркп. осуды. ^и Испр., в ркп. водился. ^к Вписано между слов.

шелка и багряницы, узда была златом и серебром набрана, притом висело несколько слаткозвонных^Л колокольчиков.

Патрон наш Менекел поехал во Фесалию некоторыя комедии показати, их же отчизни своей обещал. Изготовився к сему, пошли из утра рано в путь. Я нес господина нашего чрез зело злой и трудной путь. Пришедши во Фесалонику, збежался народ ко смотрецию || комедии, наипаче ж меня видети, ибо слава о мне во весь уезд прошла. Патрон наш довольно попив со^М своими товарищи, ^иже дворяна были,^О приказал мне при ужине свои мудрости показати.

Слуга волный, имеющей призор над мною, замкнул меня и казал мои художества за денги. Каждой принес с собою такова кушанья, его же осли никогда отведывают, отчего зделался я зело жирен и велик. Пришла тут некакая женочка из-за города, желающа меня видети ядуща. Кой час меня увидела, полюбила меня безмерно, частню ослового подобия ради, также и ради художеств ословых. Сия многими денги добилась, чтоб я у ней одну ночь мог пробывать. По ужине отвел он меня к ней в дом. Сия жена пошла спать, имея множество подушек, одеял и платья. Холопи между тем пошли ж спати, а она принесла великую свещу в избу, мне показалось, аки бы великой огонь внесла. Роздевся и обнажила себя донага и стала || у свечи, потом принесла несколько балсамов во албастровой фляжечке и вымазався оными, напехая нос свой полон ими. Потом стала меня целовати и приговаривать, како между любящимися обыкновенно есть, и повлекла меня за веревку на постелю.^П К сему делу погонщик мне ненадобен был. Следуя ей потихонку, наперед наполня желудок свой доброю винною влажностию и разожен благовонием балсама, также и красотою тое жены, и я стал гнутись, не ведая, как бы мне лечь, ибо коль долго ослом был, едва мог знати, како ослам подобает делати. Я стал быть в великом страхе и боязни, чтоб женщине при пребытии^Р с нею какия бы вреди не соделати и чтоб ко убийцам^С не причтен был. Но сие напрасно мыслил, ибо все благо делалось, понеже непрестанно целовала и прижимала меня. Я к делу готов будучи, потянула она меня за индрик мой, потом обымала мя, яко человека. Егда же помыслию отступити, и она привлечет меня паки к себе, сказывая: «Куда бежиши?», ухватя меня еще крепчей за шею. Приметив, что порядия моя^Т || не безудобна есть похоть сей жены утолити, получил смелость немалую, почитая свое прелюбодейство не хужея Пасифеева.

Егда день пришел, пошла сия жена видется с моим приставником и просила его, чтоб мне еще одну ночь у ней погостити за денги и добрыя слова. Сей к деньгам гораздо падох будучи, донес своему господину и оставил меня еще одну ночь у ней,

^Л В ркп. испр. из златкозвонных. ^М Доб., в ркп. нет. ^{Н^О} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^П В ркп. испр. из постель. ^Р В ркп. испр. из пребытие. ^С Испр., в ркп. убицам. ^Т В ркп. написано дважды, второй раз на обороте листа.

которая за прежния свои дела принялась и наки доволствие получила в похоти своей.

Сей слуга вольны между тем показал своему господину, что она жена со мною исправляла, сквозь щель во дверях. Господин его, сим увеселяся, не хотел, чтоб сие известно было, но хотел при игре меня во комедию на театр взвесть, дабы меня видели в то время, егда некакую женщину хотели зверми растерзати.

4. 102 Приведши ко мне оную жену, приказали ей, чтоб меня || гладила и на меня облегла, дабы нас на тот день в комедию привести, чтоб от каждаго видимы были.

Была тамо кровать соделана из индианских черепах, златом украшенная, на которую поставили меня и тое жену и положили постелю^У на оную, отчего великое возглашение в народе было и все в ладони колотили, также был тамо поставлен стол со многим различным кушаньем, дабы при всех мог оныя при ужине истребить.

Были ж тут изрядныя благообразныя юноши ради наливания вина, а надзиратель мой, при мне стоя, приказал мне ясти. Мне зело стало стыдно быти на таком полном театре ясти, опасаясь, чтоб лев или медведь иногда из угла не выскочил к розорванию меня. Притом же было различными цветы усыпано, между которых также и серебрянныя цветы были. Увидев сие, встал я тотчас, они же мыслили, что я встал ради публичного танца || — перед ними танцовать, но я пошел прямым путем ко цветам серебрянным, чтоб оныя съести. Сему каждой дивился, отчего я превратил скоцкое подобие ословое и стал быть тот же подлиннейший Лукиан, каков преж сего был. И пошел наг перед ними. От сего нечаемого вида весь народ ужаснулся и изумелся, и стала быти^Ф шопта и шум великой. Не ведая, что сказати, иныя говорили, что я чародей и что в тотчас подобает меня в струбе жечь. Иныя же хотяху, чтоб роспрося^Х выслушать меня наперед и по тому осудить. Но я пошел к губернатору того града, которой тут же при комедии был, ему же я сказал, что одна великая фесалиская девка меня некакою мазью помазала, ею же меня во осла обратила. И просил его, дабы меня приказал за караулом держать, доколе известен будет о сей моей правде. Он стал мне говорить: «Дай мне знати о своих родителях и городе, идеже родился». Я сказал, что отца моего звали Лукианом, яко же и меня, и брат мой имянуем Каюс, и что я различныя гистории и иныя вещи писал, а брат мой || стихотворец и пророк есть, город рождения моего есть Патрас во Ахайи.

4. 103

Егда господин сей услышав сие, сказал он: «Ты еси сын от зело знакомого друга моего, иже меня в доме своем часто угацивал и подарками меня почтил. Я известен, что правду говорил еси». И, вышед из своих носилищ, объял и поцеловал меня.

^У В ркп. испр. из постель.
над строкой.

^Ф Написано над строкой.

^Х Написано

Между тем приспел брат мой, иже ходил за денгами и за иными вещми ради меня. Егда сей господин меня свободна учинил, пошли мы к морю, идеже каравль готов был к нашему отъезду. До начатия сего путешествия пошел я тое жену посещати, которая наперед сего влюбилась в меня, ибо мыслил, что ныне наипаче прежняго любити будет, егда человеком есмь. Пришедши к ней, была она зело рада и желала со мною ясти, пити и спати, мысля ныне наипаки похоти от меня получить.

Егда мы отужинали, вымазали меня мазью и положили мне на главу серебрянной венец, ^Чпонеже от оных цветов человеком стал быти. ^ЧПриспевши время || спати, разделся я наг, дабы ея на издевку потешить, ибо имеет ныне мужа вместо осли. Но егда ^{а. 103, об.}меня увидела нага и все прилежно осмотрела, плюнула она мне в глаза, понеже видела, что я по-человеческу убран, и сказала: «В тотчас з двора долой! Пойди со иною спать!» Я стал ее спрашивать: «Чего ради тако говориши?» И она отвечала мне: «Того ради, что не тебя, но осла любила, и спала я с ним, а не с тобою. Я чаела, что ты точию подобие ослное сложил, а что я любила оставил. Ты уже не имеши того, иже во осле приятно и притягательно есть». И приказала меня нага своим людем взащей з двора збить.

Будучи за двором наг, с венцом на главе и вымазан, лег на землю. Из утра рано пришел к морю, росказал брату своему бесчастие свое, еже не без смеху делалось.

Ветр стал хорошо поведать, тако что в краткое время приехали во отчество свое, идеже жертвовали богам, причиною бывшим моему избавлению, также повесил во церкви несколько подарков, не того для что ^Шиз собачья гузна (якоже пословица есть), но из осла избавлен стал быти.

^{Ч-Ч} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^Ш Написано над строкой.
(БАН, 17.7.12, л. 81—103 об.).

К. Ю. ЛА П П О - Д А Н И Л Е В С К И Й

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ В. И. МАЙКОВА

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде Блудовых-Паниных (ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 3175) нами был обнаружен конволют, объединяющий под одним переплетом следующие издания произведений В. И. Майкова (все они подробно опи-